

Н. В. Калиберда

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**ПРОСТРАНСТВО, СРЕДА, ГЕРОИ В РОМАНЕ С. РИЧАРДСОНА
«ПАМЕЛА» (ЛИНКОЛЬНШИРСКИЙ ЭПИЗОД)**

Висвітлено лінкольнширський епізод з життя героїні роману Річардсона «Памела». Проаналізовано багатоскладний образ художнього простору у творі, який означає сюжет через концепти шляху, садиби, будинку, інтер'єрних реалій, саду, його меж. Розглянуто еволюцію характеру головного персонажа, представленого не тільки в повноті рефлексії, а й у протестних діях і вчинках. Акцентовано, що ув'язнення Памели в Лінкольнширі руйнує буденність днів, насичуючи емоційний клімат роману сентиментально-готичними фарбами.

Ключові слова: художній час, простір, образи садиби, саду, інтер'єрні реалії, замкнутість/ відкритість топосу, гендерні ролі.

Освещен линкольнширский эпизод из жизни героини романа Ричардсона «Памела». Проанализован многосоставный образ художественного пространства в произведении, означающий сюжет через концепты пути, усадьбы, дома, интерьерных реалий, сада, его пределов. Рассмотрена эволюция характера заглавного персонажа, представленного не только в полноте рефлексии, но и в протестных действиях и поступках. Акцентируется, что заточение Памелы в Линкольншире разрушает будничность дней, насыщая эмоциональный климат романа сентиментально-готическими красками.

Ключевые слова: художественное время, пространство, образы усадьбы, сада, интерьерные реалии, замкнутость/открытость топосу, гендерные роли.

The article highlights the Lincolnshire episode in S. Richardson's «Pamela». The complex image of artistic space in the novel, defining the plot through the concepts of road, estate, house, interior realities, garden, its limits, is analyzed. It is dealt with the evolution of the main character, represented not only in the fullness of reflection, but also in the protest actions. It is emphasized that the imprisonment of Pamela in Lincolnshire destroys the day-to-day routine, filling the emotional climate of the novel with the sentimental and gothic tones. It is pointed out that for Pamela garden offers potential liberty from surveil-

lance, moral convention and gender norms. Most critics have tended to treat space in the novel as a symbol of Pamela's psychological state and the degree to which she demonstrates individual agency or its lack. The small, enclosed spaces in «Pamela», like closets, wardrobes, and bed chambers have been recognized as important elements which are usually interpreted as representative of the heroine's body, mind, or status. Attention is drawn to the fact that Richardson appears to have learned almost in the process of writing that attention to time gave greater weight to the other details of his novel. The lack, however, of an overall structure of time for the novel tends to isolate the Lincolnshire section as an independent unit.

Keywords: artistic time, space, the images of estate, garden, interior realities, openness and closeness of the topos, gender roles.

Бэдфордширський епізод роману «Памела» С. Річардсона завершає патетическа, емоційно насичена сцена прощання героїни з друзями: *«I had taken my leave of my fellow-servants overnight and a mournful leave it was to us all: for men, as well as women servants, wept to part with me; and, for my part, I was overwhelmed with tears and the affecting instances of their love»* [22, p. 131]. Дівушка перебуває в очікуванні свободи. Її тривожить майбутнє, і в то ж час у неї є відчуття моральної перемоги, справедливості її позиції, яка, як їй здається, переконала сквайра. Памела зберегла вірність собі, непохитність характеру, не змінила своїх поглядів, отримала досвід спілкування з людьми, облеченими владою. Вона невольно залучена в конфлікт протистояння з молодим господарем, стоїть перед спокусою вибору легкого шляху. Мотив «innocence», наївності, а потім прозріння героїни окрашені мелодраматическими фарбами, доповнені описом її страдань, ісповіддю героїни: *«O the unparalleled wickedness of such men as these, who call themselves gentlemen! who pervert the bounty of Providence to them, to their own everlasting perdition, and the ruin of oppressed innocence!»* [22, p. 130]. Двохзначне положення Памели в Бэдфордширі вносить тривожність в стан слуг, вони бачать підозріливі зміни в поведінці молодого вельможі, наростання прихованого напруження в атмосфері маєтку: *«What a dickens ... ails our master of late! I never saw such an alteration in any man in my life. He is pleased with nobody...»* [22, p. 81]. Але не всі співчутують Памелі, є у неї і заздрники (кухарка Джейн), також з'являються персонажі, які хотіли б скористатися благополуччям містера Б. і виконати його будь-які поручення (посильний Джон).

Друзья Памели, дотримуючись твердих моральних принципів (місис Джервіс, містер Лонгман), намагаються огородити дівушку від помилок, відвернути її від шкідливих дій, щоб не сталася несправедливість. Своєю любов'ю вони виражають Памелі увагою, участю. Їй дарують прості, але необхідні речі – папір, чорнила, провізію, в чому проявляється здоровий глузд людей, які живуть проблемами реальної життя: *«...Mr. Longman would make me accept of several yards of Holland, and a silver snuff-box, and a gold ring, which he desired me to keep for his sake, ...gave me above forty sheets of paper, and a dozen pens, and a little phial of ink; ... and some wax and wafers», «...some plumb-cake, and diet-bread, made for me over night, and some sweet-meats, and six bottles of Canary wine...»* [22, p. 133]. Ці знаки уваги радує і обнадіює дівушку. Собрав своє майно, юна білошвейка відправляється в дорогу, очікуючи зустрічі з рідними, на час отримавши душевний спокій. Поїздка вона планує на найближчий четверг, вважаючи, що все найкраще в її житті сталося в цей день тижня: *«... on Thursday my father and mother were married, and they are a very happy pair: on a Thursday your poor Pamela was born: on a Thursday my dear good Lady took me from my parents into her protection...»* [22, p. 357].

К жаль, надіям Памели не судилося здійснитися. Замість бажаної свободи дівушка отримує становище в'язниці: *«... a wretched prisoner»* [22,

р. 177]. Слуга Робин в дороге убедит Памелу, что они заблудились, им необходим отдых, который они находят на ферме семейства Монктон, где встревоженная Памела, наконец-то, догадается об обмане сквайра, почувствует себя униженной, но не сломленной: «... *I may either take shame to myself, or defend my character, which is all I have in the world to trust to*» [22, р. 138]. Памела расстроена вероломством мистера Б., который оклеветал её перед всеми, кем она дорожила: «*I was greatly shocked...at the wicked arts of this abominable gentleman*» [22, р. 139], представив Памелу девушкой легкомысленной, вздорной, способной на крайности: «...*a young gentlewoman ... has deeply embarked in a love affair, which ... must be her ruin, as well as the ruin of the person to whom she wants to betroth herself...*» [22, р. 138]. Памелу перепроводят в Линкольншир, поместье сквайра, где всем распоряжается весьма отталкивающая особа по имени миссис Джукс.

Памела приезжает в Линкольншир в сумерках. Перед читателями вновь возникнет образ усадьбы: «... *the court-yard of this handsome, large, old, lonely mansion, that looked to me then, with all its brown nodding horrors of lofty elms and pines about it, as if built for solitude and mischief*» [22, р. 146], и одной из её характеристик оказывается удалённость от Бэдфордшира и Лондона. Линкольнширское поместье сквайра Б. обрисовано более подробно, нежели бэдфордширский особняк, на что указывает и Дж. Баллен: «While rather general in its terms (the elms and the pines are about the only specific details), the passage nevertheless provides a much more explicit exterior view of the mansion than anything we are told about the Bedfordshire place; hence it aids the particularization of action that begins in this section» [12, р. 36]. Памела постепенно знакомится с домом. В Линкольншире многое ей кажется вызывающим опасения: «... *I feared much both him and the place I was in*» [22, р. 119]. Добротность и грандиозность постройки пугают девушку. Пространство дома здесь представлено несколько по-иному. У Памелы есть своя комната («Pamela's closet»), где она проводит дни, не обременяя себя обязанностями служанки: «... *there is a double door to the room with different locks...*» [22, р. 148]. Внутреннее устройство Линкольншира постепенно открывается читателю. Автором обозначены господские опочивальни (**chambers**), гостиные (**drawing rooms**), рабочий кабинет сквайра (**parlour**), комнаты слуг (**the maids' rooms**). Дом насчитывает несколько этажей, упомянут чердак (**the leads**). Памелу помещают на втором этаже. Мир, в котором теперь суждено пребывать Памеле, она поначалу воспринимает как замкнутый и враждебный. Тягостно переживает Памела недоброжелательность среды, в которую попадает. Юная служанка не может свыкнуться с одиночеством («... *my deplorable bondage...*»), невозможностью общения с родителями [22, р. 155]. Памеле запрещают писать письма, и роман из эпистолярного превращается в дневник – исповедь.

В первые дни пребывания в Линкольншире Памела общается лишь с экономкой миссис Джукс. У девушки рождается чувство неприязни к героине, непонимание её необъяснимой враждебности. Памеле миссис Джукс представляется воплощением зла: «*She has a hoarse, man-like voice, and is as thick as she is long; and yet looks so deadly strong, that I am afraid she would dash me at her foot in an instant, if I was to vex her. So that with a heart more ugly than her face, she is at times (especially when she is angry) perfectly frightful ... for she is very, very wicked*» [22, р. 152]. Она пристально всматривается в её черты, пытается разгадать характер, быть может поэтому внешность миссис Джукс появляется на страницах её дневника: «*She is a broad, squat, pousy, fat thing, quite ugly ... about forty years old. She has a huge hand, and an arm as thick – I never saw such a thick arm in my life. Her nose is flat and crooked, and her brows grow down over her eyes; a dead spiteful, grey, goggling eye: and her face is flat and broad; and as to colour, looks like as if it had been pickled a month in saltpetre: I dare say she drink*» [22, р. 152]. Поведение миссис Джукс настораживает Памелу, экономка несдержанна в высказываниях, порой её речи

оскорбительны. Джукс следит за подопечной, получает удовольствие от того, что унижает девушку. Воцарившаяся в Линкольншире атмосфера разрастающегося зла, одиночество Памелы напоминают о сюжетных мотивах сентиментальной готики, где ядром событий часто оказывается преследование беззащитной, не обладающей правами жертвы.

В Линкольншире Памела познакомится и с мистером Уильямсом, местным священником. Сначала он не доверяет Памеле, видит в ней, поверив сквайру, слабую, оступившуюся девушку. Однако проникательная Памела почувствует, что перед нею «... *a sensible, and seems to be a serious young gentleman...*» [22, p. 149]. Вскоре Памела делает попытки объясниться с Уильямсом, рассчитывает на взаимопонимание: «... *when I saw him, I confirmed myself in my hopes of him; for he seemed to take great notice of my distress and grief ... though he was visibly afraid of Mrs Jewkes, who watched all our motions and words*» [22, p. 149]. Отношения с пастором претерпевают изменения, недоверие, наконец-то, рассеивается: «*I most heartily wish it may be in my power to serve and save so much innocence, beauty, and merit*» [22, p. 161]. Борьба Памелы за разрушение её ложного образа в глазах мистера Уильямса проходит в духе изобретательной интриги авантюрного романа. Памела вновь затеет переписку, о чём не узнает миссис Джукс. Памела найдёт способ передавать послания священнику, укажет место тайника в саду («...*let that sun-flower by back door of the garden be the place*») [22, p. 159], откуда пастор будет забирать адресованные ему мольбы о помощи: «*I ended my letter, in hopes to have an opportunity to lay it in the appointed place*» [22, p. 160]. Но потом произойдут странные события: Уильямс попадёт в тюрьму, мистер Б. уверует в особые силы Памелы воздействовать на окружающих, пришлёт своего друга Колбрандта («... *an honest... trusty Swiss...*») в помощь миссис Джукс, который также будет присматривать за Памелой [22, p. 201]. Внешность Колбрандта покажется девушке суровой и пугающей: «*He is a giant of a man, for stature; ... large-boned, and scraggy; ... He has great staring eyes, ... vast jaw-bones sticking out; eye-brows hanging over his eyes; two great scars upon his forehead, and one on his left cheek, huge whiskers and a monstrous wide mouth; ... long yellow teeth, which his lips hardly cover, even when he is silent; so that he has always hideous grin about his mouth*» [22, p. 206]. Памела ведёт себя сдержанно, она одна в окружении враждебных людей, которые не знают о ней правду. Теперь девушка вынуждена находить выход из той ситуации, в которой нелепо очутилась. Возникает другая Памела, перечёркивающая замысел мистера Б. В ответ на его коварство Памела выступит инициатором контрдействия, неизвестного пока ни ему, ни миссис Джукс («*This is downright rebellion, I protest!*») [22, p. 163].

Интерьер усадебного дома в Линкольншире отчасти напоминает Бэдфордшир и несколько отличается от него: автор, отбирая реалии, передаёт эмоциональные реакции Памелы на внешнее окружение, которое будто бы буквально несёт ей угрозу: «... *the details are clearly selected to show the effect of the place on Pamela's mind, the threat to her virtue for the first time being embodied in the physical world that surrounds her*» [12, p. 36]. Первые дни заточения девушка чувствует себя в безопасности лишь в своей комнате: «*In the Lincolnshire house, where Pamela is a prisoner in every room, the closet becomes her only haven, her privacy*» [15, p. 31].

В Линкольншире также обитают слуги, их не так много, но все они названы, как и указаны занятия каждого из персонажей: горничные Энн, Джезебл и Мэри, кучер Роберт, грум Томас, садовник Джейкоб, посыльные Джон, Брэт и Абрахам. Из дневника Памелы читатель поймёт, что отношения со всеми у неё сложатся ровные, приятельские, участливые. Если для Памелы покинуть Линкольншир оказывается пока недостижимой целью, то в само поместье многие навещаются, каждому из гостей отведены покои: пастор Уильямс часто приезжает к Памеле и миссис Джукс в Линкольншир, длительное время здесь будет на-

ходиться и Колбрандт. Позже мы узнаем, что леди Дэйверс также подолгу остаётся у брата в Линкольншире в сопровождении своих слуг и родственников. Жизнь Памелы в Линкольншире психологически трудна, но у неё появляется время для досуга, она заполняет его беседами с миссис Джервис, мистером Уильямсом, прогулками по саду, который окажется обширным, прекрасно обустроенным («...I ... pretended to sit by the window, which looks into the spacious gardens») [22, р. 149]. В романе замкнутый интерьер дома дополняется открытым природным пейзажем. В саду разбиты клумбы («Of all the flowers in the garden, the sun-flower surely is the loveliest! It is a propitious one to me!») [22, р. 168], сохранены и естественные природные «островки» («...the pasture, by the side of the garden...») [22, р. 180], возведена летняя беседка («...a little alcove, in the further part of the garden, which having a passage through it...») [22, р. 247], есть озеро, около которого приятно коротать часы, читать книгу («...the turfted slope of the fine fish-pond...») [22, р. 159]. Именно в Линкольншире Памела укрепляется в решении противостоять несправедливости, замечает один из литературных критиков: «... by the pond, her spiritual self relieves her moral self of the necessity to escape and gives it strength to endure confinement» [15, р. 32]. Природное пространство воздействует на настроение девушки, обостряет чувство отчуждённости и самодостаточности («Refuge in the corner of an out-house») [22, р. 237]. Полагают, что сад в романе становится пространством свободы от запретов и гендерного унижения, а мотивы окна и калитки являются своеобразными маркерами обретения этой свободы [11, с. 108].

Заточение Памелы приходится на летние месяцы, продлится сорок два дня, и именно в Линкольншире Памела остро ощутит бег времени, свою зависимость от него: «... Pamela's account does begin to suggest the ticking of the clock ...» [12, р. 9]. Поэтому она подробно и внимательно отмечает время своих записок в дневнике («early in the morning», «this night», «the Sundry evening», «till near twelve o'clock»), указывает, когда приключаются с ней неприятные происшествия («the 25th and 26th days of my heavy Restraint», «the 27th day of my imprisonment», «the 31st day of my distress»), считает минуты и дни пребывания в том унижительном положении, в которое её поставил сквайр Б.: «Well, you may believe how uneasily I passed the time until his appointed hour came. Every minute, as it grew nearer, my terrors increased» [22, р. 65]. Замечено, что чуть меньше двух месяцев проходит между приездом Памелы в Линкольншир и её свадьбой с мистером Б., но практически каждый день этого периода описан. Однако жизнь девушки в Бэдфордшире, которая воссоздана в романе кратко и фрагментарно, охватывает отрезок более года.

Памела не вовлечена в поток обыденных занятий, не занимается работой швей, хранительницы гардероба хозяина: «... I was writing all the time...» [22, р. 149]. Дни проходят праздно, но беспокойно. Памела лихорадочно ищет возможность переменить свою участь, в ней сильна вера в присутствие добра в людях. Поэтому она обращается к пастору Уильямсу и через него – к его пастве с надеждой на помощь: «... in helping me out of my present distress, you perform all the acts of religion in one; and the highest mercy and charity, both to the body and soul, of a poor wretch, that ... has, at present, not so much as in thought swerved from her innocence» [22, р. 161]. Заточение тягостно. К сожалению, не всё складывается так, как хотелось бы Памеле. Сложность её существования усугубляется. Девушку не покидают мысли о побеге: «... I hope to find an opportunity for escaping...» [22, р. 180]. Памела мистифицирует своих врагов, инсценирует самоубийство, разбрасывая вещи на берегу пруда: «...I flung in my upper coat, as I had designed, and my handkerchief, and a round-eared cap, with a knot pinned upon it...» [22, р. 210]. Но все уловки, к которым она прибегнет, обернутся неудачей: ключ к калитке в глубине сада подменяют, Памела не сможет преодолеть забор, упадёт, разобьётся, почувствует не только душевную, но и физическую боль («... I...received such a blow upon my head... and I broke my shins and my ancle besides...») [22, р. 210]. Не-

состоявшийся побег становится причиной драматических перемен в жизни Памелы. Возвращается хозяин, обостряются взаимоотношения сквайра и служанки: «... *I am as much in danger in the house...as in the garden*» [22, р. 247]. Между молодыми людьми вспыхнет жёсткое противостояние. В конце концов, сквайр решится сделать ей предложение, но не романтическое, а исполненное здравомыслия, когда старается силой убеждения, учитывая ум и характер девушки, прельстить Памелу успешной судьбой, от которой трудно отказаться: «... *he has sent me up ... the following proposals. They are ... to make me a vile mistress. So here are the honourable intentions all at once laid open!*» [22, р. 227]. Мистер Б. пытается лишить Памелу права выбора, уверяет её в своей любви. Но чувства, испытываемые сквайром, губительны для Памелы. Мистер Б. вновь ошибается. Памела отвечает ему гневным посланием-обличением, где будет защищать себя, отвергнет просьбу сквайра, не впадая в простодушие: «*Perchance, some sham-marriage may be designed, on purpose to ruin me; But can a husband sell his wife against her own consent?*» [22, р. 219]. Она мотивирует своё нежелание следовать его воле, мыслит как благоразумная женщина. И письменное слово возымеет над сквайром власть. Прочитав дневник девушки, узнав её подлинную натуру, молодой человек отступит. Памела обретёт свободу, однако осознав, что к ней пришла любовь, вновь вернётся в Линкольншир.

Линкольнширский эпизод в «Памеле» романтизирует повседневность. В сюжете происходит неожиданный поворот, иначе распределяются роли между героями. Памела возвращается к мистеру Б. уже в ином статусе. Между молодыми людьми складываются отношения равенства, взаимоуважения, появляется возможность осуществления брака по любви, к чему с пониманием относятся друзья и соседи: «*You are the loveliest couple I ever saw joined in matrimony*» [22, р. 376]. Любовный союз меняет каждого из персонажей. Они отбрасывают предрассудки, отдадут должное друг другу. Но не все из окружения сквайра и Памелы могут смириться с их смелым решением. Влюблённым предстоит ещё одно испытание – преодолеть негативное мнение света, которое соотнесено с позицией леди Дэйверс, старшей сестры сквайра, отличающейся властным, вздорным характером. Леди Дэйверс повторит поведение мистера Б. в отношении Памелы, проявит немотивированную агрессию: «*She tapped my cheek*» [22, р. 413], «*She slapped my hand, and reached to box my ear*» [22, р. 419]. Дом сквайра сотрясают ссоры, дразги. Молодой человек уезжает, Памела оказывается во власти леди Дэйверс: она её запирает, унижает, рассказывает о небезупречном прошлом брата. Памела не понимает, как высокородная аристократка может вести себя столь варварски. Однако эти последние преграды между Памелой и сквайром падут, нрав леди Дэйверс будет укрощён. Прочитав дневник Памелы, она оценит душу девушки, смирится с решением сквайра и станет ей другом: «*Tis a charming creature ... I know not which excels; her person or her mind! So young a creature too! Well may my brother love her!*» [22, р. 476].

Отныне положение Памелы изменится. Венчание со сквайром укрепит её высокий социальный статус. Как только она примет предложение мистера Б. выйти замуж, для неё откроются господские покои («*great chambers*», «*great halls*»). Перемена участи преображает Памелу и её мироощущение, она по-иному воспринимает реальность: «*What a different aspect every thing in and about this house bears now, to my thinking, to what it once had! The garden, the pond, the alcove, the elm-walk. But my prison is become my palace; and no wonder every thing about it wears another face!*» [22, р. 378]. Важным событием в жизни обитателей поместья является попытка сквайра восстановить часовню, которая станет символом спасённой морали и нравственности: «*...we went and looked into the chapel, which is a very pretty one, and very decent*» [22, р. 342].

Пространство, которое осваивает Памела, расширяется. Чаще всего героиня общается с мистером Б., они обсуждают поэзию, сквайр делится с девушкой впе-

чтлениями от своих поездок во Францию и Италию, развлекает её рассказами о путешествиях: «*I have been delighted with his conversation upon English authors, poets particularly. He entertained me also with a description of some of the curiosities he had seen in Italy and France, when he made what the polite world call the Grand Tour*» [22, p. 362]. Памела ведёт себя великодушно, посещает школу дочери мистера Б., пытаясь вернуть девочку в круг семьи и соединить с отцом: «*Join with me, my pretty love, to beg your uncle to let you come and live with your new aunt: indeed, my precious, I will love you dearly*» [22, p. 497]. У неё появляется обилие друзей, Памела заводит знакомства с соседями, которых сквайр приглашает погостить в их доме, и теперь линкольнширский эпизод романа заполняется другими персонажами – это чета Дарнфорд с дочерьми, супружеская пара Петерс с племянницей, леди Джоунс со своей невесткой, мистер Перри, мисс Бороуз. В поместье приезжает отец Памелы, его благородный образ оттеняется изменившимся положением дочери. О счастливых переменах в жизни Памелы свидетельствует её новый облик, который как бы служит визуальной эмблемой её счастливой участи, уверяет К. Липсидж: «*Clothes and architectural space ... function as visual emblems of Pamela's new "place" in the household*» [20, p. 138]. Во время пребывания в Линкольншире интерес Памелы к выбору костюма не будет столь заметен, и упоминания о её платье возникают лишь эпизодически. Памела постепенно отказывается от образа простолюдинки, хотя поначалу продолжает носить вещи хозяйки, которые ей чрезвычайно к лицу: «*My good lady's bounty, and his own, had set me much above my degree, and I had very good things of all sorts; and I did not desire any other, because I would not excite the censure of the ladies*» [22, p. 335]. Но сквайр убеждает девушку в том, что как его будущая жена, «новая» Памела нуждается в соответствующей огранке, и поэтому заботится о подходящем убранстве для неё: «*I will lay down one rule for you, my Pamela, to observe in your dress; and I will tell you every thing I like or dislike, as it occurs to me: and I would have you do the same, on your part; that nothing may be upon either of our minds that may occasion the least reservedness*» [22, p. 393]. Когда Памела становится невестой мистера Б., она приобретает манеры аристократки. Важно отметить праздничность атмосферы в линкольнширском эпизоде романа, связанную с приёмом гостей, визитами в соседские дома, которые наносят сквайр и Памела. Однако эта праздничность описана сдержанно, в духе демократичных пуританских критериев, которые противостоят идее роскоши и праздности. Теперь Памела выступает в роли хозяйки поместья и, возвращаясь в Бэдфордшир, привносит туда новые порядки: «*... I was so strongly impressed with the favour and mercies of God Almighty, on remembering how I was sent away the last time I saw this house; the leave I took; the dangers I had encountered; a poor cast-off servant girl; and now returning a joyful wife, and the mistress, through his favour, of the noble house I was turned out of; that I was hardly able to support the joy I felt in my mind on the occasion*» [22, p. 477]. Она поближе знакомится с соседями, возвращает в дом прежде изгнанных слуг. Сквайр даёт ей возможность свободно распоряжаться деньгами, которые предназначаются для благотворительности и помощи нуждающимся: «*...your own private charity...to persons so worthy...*», «*...I will allow you two hundred guineas a year...for your own use, and of which I expect no account*» [22, p. 391]. Памела больше не относится к кабинету мистера Б. как к комнате, которая таит для неё опасность, скорее, наслаждается свободой, проводит время за чтением книг: «*I stept into the library ... and blessed God there on my knees, for the difference I now found to what I had once known in it*» [22, p. 487]. Памела не испытывает страха перед открытыми и закрытыми помещениями, ощущения внутреннего покоя и безопасности пространства, наконец, гармонично сочетаются: «*... in every room, in the chamber I took refuge in, when my master pursued me, in my lady's chamber, in her dressing-room, in Mrs. Jervis's apartment*

(*not forgetting her close, in my own little bed-chamber, the green-room, and in each of the others, I blessed God for my past escapes, and present happiness*) [22, p. 479]. Памела продвигается по социальной лестнице, что происходит благодаря её духовным и душевным достоинствам («...*the riches of your mind and your unblemished virtue ...*» [22, p. 379]). У читателя создаётся впечатление, что предстоящий брак Памелы станет завершением её истории. Но это лишь начало другого периода в жизни героини, когда она узнает нравы и обычаи высшего света.

Библиографические ссылки

1. Бондаренко Е. А. Повествовательные модели и их роль в сюжетостроении в романах С. Ричардсона: «Памела, или Вознагражденная добродетель», «Кларисса Гарлоу, или История юной леди», «История сэра Чарльза Грандисона»: дис ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е. А. Бондаренко. – М.: РГБ, 2004. – 182 с.
2. Ватченко С. А. Поэтика метатекстуальных аллюзий в «Памеле» С. Ричардсона / С. А. Ватченко // Від бароко до постмодернізму / відп. ред. Т. М. Потніцева. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2013. – Вип. XVII. – Т. 1. – С. 134–141.
3. Воротынцева К. А. Поэтика повседневности в аспекте действительности героя / К. А. Воротынцева // Критика и семиотика. – 2010. – Вып. 14. – С. 276–292.
4. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. – 320 с.
5. Малова Е. Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Е. Ю. Малова // Современные наукоёмкие технологии. – 2007. – № 7. – С. 68–71.
6. Марковцева О. Ю. Повседневность как бытие человека в мире / О. Ю. Марковцева // Вестник ОГУ. – Т. 1. – 2006. – № 6. – С. 111–117.
7. Рязанцева О. Ю. Мир топосов Памелы-1 С. Ричардсона как ключ к пониманию “novel” XVIII века / О. Ю. Рязанцева // XVIII век: топосы и пейзажи / под ред. Н. Пахсарьян. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 339–347.
8. Armstrong N. Strategies of Self-Production: Pamela / N. Armstrong // Desire and Domestic Fiction: A Political History of the Novel / N. Armstrong. – N. Y.: Oxford University Press, 1989. – P. 109–133.
9. Baxter D. Introduction: Constructing Space and Identity in the Eighteenth-Century Interior / D. Baxter // Architectural Space in Eighteenth-Century Europe / ed. by D. Baxter, M. Martin. – Aldershot: Ashgate, 2010. – 284 p.
10. Bender A. Samuel Richardson’s Revisions to Pamela (1740, 1801) / A. Bender: A PhD Thesis. – University of North Texas, 2004. – 37 p.
11. Bending S. Green Retreats: Women, Gardens, and Eighteenth-Century Culture / S. Bending. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 323 p.
12. Bullen J. Time and Space in the Novels of Samuel Richardson / J. S. Bullen // Utah State University Monograph Series. – 1965. – Vol. XII. – No. 2. – 53 p.
13. Crone-Romanovski M. A Spatial History of English Novels 1680–1770 / M. Jo Crone-Romanovski: PhD Dissertation. – The Ohio State University, 2010. – 204 p.
14. Doody M. Natural Passion. Study of the Novels of Samuel Richardson // M. Doody. – Oxford: Oxford University Press, 1974. – 410 p.
15. Fisher J. «Closet-Work»: The Relationships between Physical and Psychological Spaces in Pamela / J. W. Fisher // Samuel Richardson: Passion and Prudence / ed. by V. Grosvenor Myer. – L.: Vision and Barnes & Noble, 1986. – P. 21–37.
16. Folkenflik R. Pamela: Domestic Servitude, Marriage, and the Novel / R. Folkenflik // Eighteenth-Century Fiction. – 1993. – Vol. V. – Iss. 3. – P. 253–268.
17. Gwilliam T. Pamela and the Duplicitous Body of Femininity / T. Gwilliam // Representations. – 1991. – № 34. – P. 104–133.
18. Hammond B. Making the Novel. Fiction and Society in Britain, 1660–1789 / B. Hammond, S. Regan. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. – 268 p.
19. Kinkead-Weeks M. Samuel Richardson. Dramatic Novelist / M. Kinkead-Weeks. – N.Y.: Cornell University Press, 1973. – 506 p.
20. Lipsedge K. Domestic Space in Eighteenth-Century British Novels / K. Lipsedge. – L.: Palgrave Macmillan, 2012. – 228 p.

21. *McKeon M.* The Secret History of Domesticity: Public, Private, and the Division of Knowledge / M. McKeon. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 2005. – P. 639–660.

22. *Richardson S.* Pamela; or Virtue Rewarded / S. Richardson. – L. : Penguin Books, 1985. – 539 p.

23. *Richetti J.* The English Novel in History, 1700–1780 / J. Richetti. – L.; N.Y. : Routledge, 1999. – 290 p.

24. *Varey S.* Richardson and the violation of space / S. Varey // Space and the Eighteenth-Century English Novel / S. Varey. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – P. 181–200.

25. *Watt I.* The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding / I. Watt. – Berkeley : University of California Press, 1957. – 334 p.

Поступила в редколлегию 22.04.2016 г.